

Евреи по-советски. Штрихи к портрету

«Голосуйте за список №4 — Народную еврейскую партию!», 1918

Всего 35 лет прошло от воцарения Ильича до смерти Виссарионовича. Миг в мировой истории, но целая эпоха для евреев одной шестой — эпоха, фрагменты которой мы вспоминаем с известным специалистом по российскому и советскому еврейству, кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН Александром Локшиным.

— Александр Ефимович, до сих пор многие обыватели ставят знак равенства между евреями и большевиками, с небольшим уточнением: не все большевики были евреями, но практически все евреи симпатизировали большевикам. Насколько оправдан этот стереотип? Наверняка существовали значительные еврейские группы, не принявшие революцию и в принципе не приемлющие большевизм...

— Достаточно сказать, что ни одна из многочисленных еврейских партий не поддержала октябрьский переворот, рассматривая его как узурпацию власти. Еврейские же массы в целом достаточно нейтрально отнеслись к захвату власти большевиками. Перелом в сознании произошел после многочисленных еврейских погромов, большинство которых были на совести Добровольческой армии. Погромы, как мы знаем, устраивали и большевики, но командование Красной армии хотя бы пыталось их пресекать — провинившиеся части расформировывались, погромщики расстреливались. Поэтому евреи быстро

поняли, что, хотя новая власть и безбожная, но она их единственная защита. Что отнюдь не сделало их истинными большевиками — атеистами и интернационалистами. Помните, как у Бабея: «Революция — скажем ей «да», но разве субботе мы скажем «нет»?»

Одновременно происходит и раскол среди еврейских партий — часть из них занимает антибольшевистскую позицию — например, Бунд (между прочим, один из учредителей РСДРП в 1898 г.) во главе с неутомимым Рафаилом Абрамовичем, который покидает страну. Эмигрирует и значительная часть светской еврейской интеллигенции — выдающийся историк Семен Дубнов, национальный поэт Хаим Нахман Бялик, драматург, собиратель еврейского фольклора и общественный деятель Семен Ан-ский. Еврейская интеллигенция вообще не приняла большевистский переворот, не случайно мы часто вспоминаем фразу московского раввина Якова Мазе о том, что делают революцию Троцкие, а расплачиваются за нее Бронштейны.

Погромы толкали евреев в объятия большевиков, хотя в этих объятиях был риск задохнуться. Политика военного коммунизма нанесла сокрушительный удар по еврейскому населению — с запретом товарно-денежных отношений местечки просто обнищали, ведь разрешался лишь натуральный обмен. Есть много свидетельств, как днем штетл спит, а ночью работает, пытаюсь выжить при помощи контрабанды и «незаконной» торговли.

— А как евреи восприняли переход к НЭПу? Ведь не секрет, что, например, в Москве в 1920-е годы 75% аптек, более половины парфюмерных магазинов и почти половина магазинов тканей принадлежали евреям...

— НЭП стал спасением для значительной части евреев, впрочем, как и для советского крестьянства. Используя свое образование и опыт, многие евреи стали провизорами, торговцами, владельцами небольших промышленных предприятий. Но с каждым годом давление на нэпманов усиливалось, власти практиковали арест и высылку «социально-вредных элементов» (среди которых процент евреев был непропорционально высок) из столицы. Эти депортации московские евреи называли между собой «вторым изгнанием из Москвы» (первое имело место в 1891 году), а антисемиты, по воспоминаниям общинного деятеля Айзика Кацнельсона, шептались: «Большевики устраивают бескровный еврейский погром».

Между тем НЭП, как и задумывалось властями, был лишь временной передышкой, а для еврейской бедноты в бывшей черте оседлости он вообще не играл решающей роли, тем более, что треть евреев стали т.н. лишенцами, т.е. лишенными части гражданских прав по первой советской конституции, как принадлежащие к «буржуазным и клерикальным элементам» (в среднем по стране численность «лишенцев» колебалась от 1,5% до 4%) — их выселяли из коммунальных квартир, детей исключали из школ, не позволяли поступить в вузы — все это тоже было частью государственной политики.

— *Насколько, по вашему мнению, рост антисемитизма в 1920-е годы связан с тем, что отдельные евреи стали частью новой советской элиты?*

— В значительной степени, поскольку народ привык видеть в еврее униженного и оскорбленного, который сейчас неожиданно занял руководящие посты в исполкомах и прочих органах советской власти. Как признавался глава Евсекции и Евкомнаца Семен Диманштейн, ссылаясь на слова Ленина, евреи по сути дела спасли советскую власть в провинции, заняв должности, которые бойкотировала старая русская интеллигенция. Часто это были люди недалекие и малообразованные, такой персонаж, как Швондер — не случаен, это распространенный типаж еврея «из грязи в князи».

Впрочем, причины для антисемитизма всегда находятся. Раздражение вызывала, например, и помощь «Агро-Джойнта» еврейским колхозам, хотя часто американскую технику и техническое содействие от «Джойнта» получали и нееврейские хозяйства. При этом как-то забывалось, что евреи (в

отличие от украинских крестьян) переселялись из местечек и городов, абсолютно не имея навыков ведения сельского хозяйства, переселялись на целинные земли, в тот же степной Крым, где им нужно было как-то обустроиваться, часто не имея ни копейки за душой...

Что касается борьбы с этим злом, то власть рассматривала антисемитизм как антисоветскую деятельность, одну из форм неприятия нового режима. Поэтому в 1920-е — начале 1930-х годов с антисемитизмом действительно боролись, как боролись и с сионистскими настроениями в еврейской среде — это ведь тоже считалось контрреволюцией.

— Как восприняли интеграцию евреев во власть в пределах бывшей черты оседлости? Григорий Зиновьев (урожденный Овсей-Герш Аронович Радомысльский) уже в 1922 году подчеркивал: «Когда мы на Украине, наконец, прочно стали на ноги, Ленин сказал: «У нас на Украине слишком много евреев. К осуществлению власти должны быть привлечены истинные украинские рабочие и крестьяне».

— Я не знаю этой цитаты, но в целом Ленин выступал против, как он выражался, «еврейского мелкобуржуазного элемента» в органах советской власти и ратовал за привлечение к управлению коренного населения. Это логичная политика, направленная на укрепление режима, и видеть в этом антисемитизм вряд ли оправданно, скорее, реакцию на активность евреев в местных органах власти. Разумеется, эта диспропорция была связана с более высоким уровнем образования евреев и с тем, что во многих регионах еще несколько лет назад местное население Советы явно не приветствовало.

— На что рассчитывала власть, поддерживая еврейскую пролетарскую культуру? Это рассматривалось как некий переходный этап к дальнейшей ассимиляции?

— Советский режим был единственным, поддерживавшим культуру на еврейском языке, — национальную по форме и социалистическую по содержанию. Появились еврейские театры с соответствующим репертуаром, в Киеве и Минске созданы еврейские научные центры, были открыты сотни еврейских школ. Правда, все это носило характер социальной инженерии и имело целью воспитание настоящего советского еврея, оторванного «железным занавесом» от соплеменников в других странах. Поэтому и иврит

оказался вне закона, идиш подвергли дегебреизации, историю и литературу в национальных школах практически не преподавали, еврейским в них остался только язык. Недаром значительная часть евреев обходила эти школы стороной, считая их уделом еврейской бедноты.

Ставка была сделана на деиудаизацию, установление диктатуры пролетариата на еврейской улице и, повторюсь, формирование советского еврея, который в первом поколении еще оставался евреем, а потом фактически ассимилировался. Да что говорить, если крупнейшие советские еврейские писатели, такие как Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Лейб Квитко в своих семьях говорили уже в основном по-русски. Хотя и продолжали писать на идише. Другими словами, преемственности их творчество навряд ли предполагало.

Нельзя отрицать, что в это время были созданы замечательные произведения на идише, но большинство из них было крайне идеологизировано и проникнуто духом верности идеалам пролетарского интернационализма. Вспомнить хотя бы снятый в 1925 году фильм «Еврейское счастье», режиссером которого был Александр Грановский, автором сценария Исаак Бабель, а в главной роли снялся Соломон Михоэлс. Даже этот шедевр, созданный великими мастерами в сравнительно травоядную эпоху, выглядит довольно оригинально. Зритель видит традиционное местечко, но раввин и синагога не появляются в кадре ни разу, даже в сцене хупы, где мужчины и женщины вместе (!) пляшут под балдахинном...

Вместе с тем этот краткий миг расцвета еврейской культуры был эйфорически воспринят западными соплеменниками. На фоне общего укрепления фашизма в Европе и нацизма в Германии положение советских евреев казалось благоприятным и, действительно, вплоть до пакта Молотова — Риббентропа, о государственном антисемитизме говорить не приходится.

— А после его заключения? Как советские евреи восприняли сворачивание антифашистской пропаганды?

— Какое там сворачивание, речь шла о резком, решительном прекращении любой критики в адрес нацистского режима. Мало кто знает, что, например, поэма «Шотнс фун Варшевэр гето» («Тени варшавского гетто») Ицика Фефера и «Танцерн фун гето» («Танцовщица из гетто») Переца Маркиша, написанные

еще до начала Великой Отечественной, — в СССР до войны так и не увидели свет. Некоторые успешные советские интеллектуалы-евреи, которых не коснулись репрессии, вспоминали, что именно заключение пакта впервые породило у них ощущение отчужденности от советского режима, они впервые почувствовали, что их предали.

— Что обусловило «еврейскую» политику СССР в период войны? Как советская власть интерпретировала геноцид еврейского населения, когда о нем уже стало известно, но победа была еще далеко?

— В этот период рождается эвфемизм «мирные советские граждане». Даже если выводы областной комиссии по расследованию преступлений нацистов гласили, что в данном районе расстреляно столько-то евреев, то «наверху» это неприятное слово вычеркивали, заменяя на «мирные советские граждане» — это носило повсеместный характер. Надо помнить и о том, что нацисты подчеркивали, что борются не с русским или украинским народами, а с жидобольшевиками, и многие на оккупированных территориях это так и воспринимали. Поэтому, чтобы не давать повода нацистской пропаганде говорить о том, что Советы защищают евреев, власть заметала факты еврейского геноцида под ковер. Характерно, что и союзники по антигитлеровской коалиции — Великобритания и США — также игнорировали тотальное уничтожение евреев.

Между тем Сталин был прагматиком и позволял Еврейскому антифашистскому комитету вести информационную кампанию на Западе, подчеркивая уничтожение нацистами именно еврейского населения. В газете ЕАК «Эйникайт», выходившей на идише, особо отмечались случаи массового уничтожения евреев — это играло на чувствах еврейских масс за рубежом, которые, как рассчитывал Сталин, поторопят союзников с открытием Второго фронта.

— Послевоенный антисемитизм Сталина — чего в нем было больше — прагматического желания отвлечь массы от внутренних проблем или личных мотивов — возможно, это стало реакцией на брак Светланы с Григорием Морозовым, романом с Каплером и т.д.

— Прежде всего нельзя недооценивать антисемитские настроения в обществе, которые власть умело использовала для мобилизации масс. Забегая

вперед, напомним, что даже реабилитация врачей после смерти Сталина, сообщение в «Правде» о невиновности обвиняемых вызвали поток писем в редакцию — мы не верим этому! Сталина нет, и правды больше нет — дайте слово Лидии Тимашук!

Очевидно также, что нищая, лежавшая в руинах страна нуждалась в усилении шовинистической риторики, что, кстати, перекликается и с повышением градуса «патриотизма» в современной России. Сталин умело играл на этих настроениях, и тост за великий русский (именно русский, не советский) народ, поднятый им в Кремле, — это хорошо продуманный ход. Евреи оказались очень удобной мишенью для критики, сплочения масс и выпуска пара.

— А сам Сталин видел в евреях «пятую колонну»? В 1948-м, после создания Израиля, он испугался двойной лояльности своих еврейских подданных?

— Безусловно, реакция советских евреев на провозглашение государства Израиль, толпа в Рош а-Шана у московской хоральной синагоги, возгласы «наша Голда» — все это было для властей проявлением нелояльности. Не случайно Эренбург публикует в «Известиях» статью, где осторожно намекает евреям на грядущую опасность, подчеркивая, что Израиль создан вовсе не для них, а для изнывающих в капиталистическом рабстве еврейских трудящихся Запада. Мол, не высовывайтесь, тем более, что в Советском Союзе еврейский вопрос решен раз и навсегда.

— Последним аккордом в симфонии сталинского террора стало «дело врачей». По вашему мнению, угроза депортации — это все-таки миф или...

— Возможно, это могло стать не «последним аккордом», а одним из первых в деле окончательного решения еврейского вопроса на советский манер. Я буквально на днях разговаривал с одним пожилым киевлянином, который вспоминает, как человек, связанный с МГБ, сообщил: «Скоро в Киеве появится много пустых квартир». Мне представляется, что «дело врачей» было только началом. Я остаюсь сторонником теории о том, что депортация все-таки планировалась и кроме «дела врачей» готовился целый ряд других процессов. В письмах советских трудящихся тех лет в высшие партийные органы красной нитью проходит требование выселить евреев из столичных городов. Да,

документы о подготовке депортации не обнаружены, как не обнаружены и многие документы о совершенных режимом преступлениях. Российские архивы до сих пор закрыты, свободного доступа к целому ряду фондов нет, да и само решение могло быть не зафиксировано на бумаге.

— Как вы тогда объясняете гипотезу о существовании двух вариантов письма выдающихся советских евреев в «Правду», причем, во втором варианте, одобренном Сталиным, тон был намного мягче, и речь не шла о спасении евреев от народного гнева. Историк Геннадий Костырченко утверждает, что Сталин за пару месяцев до смерти понял, что зашел слишком далеко и попытался отыграть ситуацию назад...

— Это мнение Геннадия Васильевича не подтверждается никакими реальными документами, хотя существует гипотеза о том, что Сталин якобы испугался, что депортация подорвет саму основу советского режима.

Что касается письма, то в его опубликованном тексте ни словом не говорится о депортации евреев, хотя, возможно, существовал и первоначальный вариант, недаром Илья Эренбург, когда ему доставили это письмо на подпись, отправил послание Сталину о вредности подобного обращения еврейской интеллигенции. Возможно, после этого из проекта обращения исчезли наиболее одиозные пассажи, а заканчивалось оно пожеланием начать издание в СССР газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения.

Вместе с тем не думаю, что Сталин отказался от своей затеи, лишь 5 марта — день его смерти спас советских евреев от изгнания и депортации.

Беседовал Михаил Гольд